

Великий учитель

В 1892—93 гг. я жил в Ростове и сотрудничал в газете «Приазовский край». Ежедневно я просматривал крупные провинциальные газеты, знакомые с местной жизнью и с общественным движением в крупнейших центрах царской России. В «Самарской газете» я аккуратно через день на второй странице газеты встречал злободневные очерки некоего Иегуилиа Хламиды. Они сразу обращали на себя внимание образностью и свежестью языка, смысловыми мыслями, необычностью тематики.

В «Приазовском крае» работал тогда секретарем редакции безвестный впоследствии журналист Сергей Яблоновский (Потресов). Я показал ему очерки Хламиды. Яблоновский, удивившись, в то время своей славы автора стихотворения «Июнь», которое пользовалось огромной популярностью среди солдатских и провинциальных актеров, пренебрежительно сморщил губы.

— Хламид! Что это такое? О чем пишет ваш Хламид?

Онакомившись с очерками в «Нижегородском листке», Сергей Яблоновский выразил явное неудовольствие моим новым литературным увлечением.

Я не знал, что Иегуилиа Хламид — это Максим Горький, автор пленявших всех нас рассказов «Макар Чудра», «Старуха Изергиль» и другие.

Вскоре Горький вошел в состав редакции журнала «Жизнь» в качестве заведующего отделом художественной литературы. По его инициативе устраивались редакционные «четверги». Вспоминаю одно такое редакционное собрание, на котором и впервые увидел Алексея Максимовича.

Он был одет в скромную черную косоворотку и обут в сапоги. Густые волосы его были зачесаны назад, а пышные усы отливали рыжевато-оттенком; взгляд голубых глаз был суров. Горький выделялся среди всех своим высоким ростом, но заметно сутулился. Через несколько минут я заметил необычайное свойство небольших голубых глаз Горького: тот, на кого он приглядывался, чувствовал, как его привлекает непреодолимая сила, которую излучают зажженные внутренним огнем глаза писателя.

Во время перемены Алексей Максимович обратился ко мне:

— Зайдем ко мне (т. е. в редакционную комнату).

Я уже несколько лет печатал в различных столичных газетах свои очерки и рассказы из босяцкого быта. Горький сказал мне:

— У вас много жизненного материала, но мало его иначе освещать. Бывает, что какое-нибудь явление, человеческий характер, лицо освещены жизнью с определенной стороны, и эта сторона пленяет писателя. Но писателю надо обойти замеченное явление со всех сторон, освещенных и не освещенных, продумать то, что он видит и потом описать увиденное со всеми его «замечными» и «незамечными» чертами.

Наш разговор был продолжен на следующий день, когда Горький посетил меня на дому. Алексей Максимович много и страстно говорил о литературе. Но при этом он не упоминал ни одного писателя. Горький толковал только о технике литературного мастерства. Особенно много он тогда говорил о чрезмерном увлечении «словами» и «словечками».

Слово для писателя то же, что краски для живописца. Даже больше того—слова обладают огромным логическим и образным смыслом, они заключают в себе цвета, музыку, аромат и рельефность окружающей нас живой действительности. Иной писатель так увлекается, однако, «словечками», что забывает о смысле того, что пишет, перестает писать по-русски.

В тот вечер Горький читал мне и моей покойной жене длинные народные стихи, которым его научила бабушка, и отрывки из былин. Мне тогда впервые открылась вся своеобразная красота этих произведений подлинно народного творчества.

В 1901 г. Алексей Максимович читал группе литераторов и сотрудников «Жизни» свою «Песню о буревестнике». Он читал с огромным волнением. К концу чтения голос его заметно дрожал. Закончив, Горький вытер обильно кулаками глаза, замолчал, а потом произнес:

— Хорошо написано, чорт возьми!

Через два года мне довелось слышать, как Алексей Максимович читал группе писателей и актеров пьесу «На дне». Присутствовали Леонид Андреев, Скиталец, Чирков, артисты Павел Самойлов, Кондрат Яковлев и др. Читал Горький заучительно.

Многообразное литературное наследие Горького представляет для советского художника неиссякаемый источник знаний о жизни. От Чехова до Климма Самгина пролетариат, будто живые, герои горьковских произведений, воскресая переломную эпоху русской жизни, закат капиталистического общества и подым и полную победу рабочего класса. Рассказы, повести и статьи Горького, согретые теплотой и страстной любовью к носителям новых идей передового человечества, зажигают доброту, героический отклик, творческим энтузиазмом, верой в могучие силы народа и человеческого разума.

Советское изобразительное искусство основано еще в большом долгу перед Горьким. Несмотря на отдельные удачи, окхват горьковских тем еще невелик, художественная иконография великого писателя далеко еще не создана. Картины из этой замечательной жизни, великая дружба Горького с Лениным и Сталиным также слабо отражены в искусстве наших дней.

Гораздо интереснее, глубже и шире отражены горьковские образы в советской графике, особенно в книжной иллюстрации.

Известно, что Горький был исключительно требователен к художникам-иллюстраторам и не всегда бывал удовлетворен трактовкой его произведений. Тем не менее писатель вдумчиво и трогательно входил в самые малейшие детали их работ. Чрезвычайно характерно, что по инициативе Горького, первые иллюстрации к его ранним произведениям делаются Репиным и его учениками Боголюбовым и Кузнецовым. Горький был очень образован глубоким пониманием Репина его писательского замысла и писал Бугаеву по поводу репинской иллюстрации к «Завулоничу»: «Вы поистине доставили мне огромное удовольствие, прислав дивную картину Репина. Нравится она мне и всем здесь чрезвычайно! Как это живо написано, как верно он понял Завулонича, старика и всех. Хорошо!».

Иллюстрации к произведениям Горького, сделанные в первые годы Октябрьской революции, связаны по преимуществу с именами художников мирискуснического направления. Эстетский ретроспективизм Добужинского в рисунках к «Детству» и лиричная вычурность Замирайло, иллюстрировавшего «Е-е января», мало помогали в раскрытии изобразительными средствами подлинного лица старой окрестной Руси и событий нитого года.

Плюрализм советской реалистической иллюстрации к произведениям Горького явился молодой художник Б. А. Дехтерев и Д. А. Шмаринов. Оба они, начиная с 1923 г., значительную часть своих работ посвящают горьковским темам, серьезно изучая творчество писателя. В графической манере их есть нечто родственное, да и работают они в одном материале — углем. И Дехтерев и Шмаринов — природные иллюстраторы: они умело строят свои композиции, прекрасно насыщают иллюстрацию действием, хорошо развертывают сюжет произведения. Вдумчивое и серьезное отношение к текст, здоровое и социально верное понимание замысла писателя делают их иллюстрации примечательным явлением нашей графики. Иллюстрации эти простые, отчетливые и вместе с тем не лишены графической трепетности, остроты рисунка.

В пьесе к Дехтереву Горький писал: «Среди наших рисунков меня очень удивил три: портрет бывшего моего хозяина В. Е. Семелова, кормление свиной и плач хозяйки над трупом отравленных свинок; удивил меня эти рисунки точностью воспроизведения вами «натуры», о которой вы ознакомились только по описанию».

Эту «верность натуры» Дехтереву надо отметить и в иллюстрациях к «Делу Архипу и Леньке» и «Моем университете». В рисунках к повести «Детство» художник, смотря на ряд удач, все же менее глубоко и выразительно передал образы героев этого волнующего произведения.

Рисунки Шмаринова экспрессивнее и смелее. Особенно удалось художнику иллюстрация к «Жизни Матвея Кожемякина», в них чувствуется большое знание быта купечества и мещанства приволжской полосы России, а образы полны типической выразительности. Особенно следует выделить

Айвазовский писал лишь море. Именно поэтому он совершенно не умел писать человека, и когда ему нужны были человеческие фигуры для картин, он вынужден был просить, чтобы их написал кто-нибудь из его друзей. Также не понимая я и Шмаринов да совет—разные эти люди истерпеть все многообразие русской природы!

Тут же он вспоминал, что на днях встретился на Невском проспекте писателя Северцова-Политова, и тот хвастал:

— А я, знаете, Алексей Максимович, написал пьесу в пяти действиях из жизни букинистов.

Горький смеялся, негодовал и морщился: «Какая же пошлятина в этой убогой односторонности. И додумался же человек до пьесы из жизни букинистов».

Среди литераторов ходили легенды об исключительной трудоспособности Горького. Никто так много, так ревностно и так разносторонне не работал, как Алексей Максимович. Он говорил: писатель должен уметь все написать талантливо — заметку для хроник пренебрежений в газете и многоотомный роман. И все мы помним его как активного, страстного, темпераментного драматурга, публициста, романиста, энергичного общественного деятеля.

В последний раз я видел Алексея Максимовича на съезде советских писателей в 1934 году. Я сидел в Колонном зале Дома союзов и слушал доклад Алексея Максимовича. Его высокая, чуть-чуть сутуловатая фигура на ораторской трибуне запомнилась мне на всю жизнь. Мы все знали, что Алексей Максимович очень болен, и видели, как поминутно он подносит платок к своим губам, отглатывая в него, как мы тогда говорили друг другу, «кусочки своего здоровья». Но простояв несколько часов на ногах и читая свой доклад, Горький ни разу не попросил перемены, не дал понять ни аудитории, ни присутствующим, что он устал и что ему трудно. Он чувствовал себя на ответственном общественном посту и не считал возможным сойти с трибуны до окончания своего выступления.

Таким борцом, трибуном, великим пролетарским писателем на посту служения народу мы его помнили и анали все жизни.

А. СВИРСКИЙ

Айвазовский писал лишь море. Именно поэтому он совершенно не умел писать человека, и когда ему нужны были человеческие фигуры для картин, он вынужден был просить, чтобы их написал кто-нибудь из его друзей. Также не понимая я и Шмаринов да совет—разные эти люди истерпеть все многообразие русской природы!

Тут же он вспоминал, что на днях встретился на Невском проспекте писателя Северцова-Политова, и тот хвастал:

— А я, знаете, Алексей Максимович, написал пьесу в пяти действиях из жизни букинистов.

Горький смеялся, негодовал и морщился: «Какая же пошлятина в этой убогой односторонности. И додумался же человек до пьесы из жизни букинистов».

Среди литераторов ходили легенды об исключительной трудоспособности Горького. Никто так много, так ревностно и так разносторонне не работал, как Алексей Максимович. Он говорил: писатель должен уметь все написать талантливо — заметку для хроник пренебрежений в газете и многоотомный роман. И все мы помним его как активного, страстного, темпераментного драматурга, публициста, романиста, энергичного общественного деятеля.

В последний раз я видел Алексея Максимовича на съезде советских писателей в 1934 году. Я сидел в Колонном зале Дома союзов и слушал доклад Алексея Максимовича. Его высокая, чуть-чуть сутуловатая фигура на ораторской трибуне запомнилась мне на всю жизнь. Мы все знали, что Алексей Максимович очень болен, и видели, как поминутно он подносит платок к своим губам, отглатывая в него, как мы тогда говорили друг другу, «кусочки своего здоровья». Но простояв несколько часов на ногах и читая свой доклад, Горький ни разу не попросил перемены, не дал понять ни аудитории, ни присутствующим, что он устал и что ему трудно. Он чувствовал себя на ответственном общественном посту и не считал возможным сойти с трибуны до окончания своего выступления.

Таким борцом, трибуном, великим пролетарским писателем на посту служения народу мы его помнили и анали все жизни.

А. СВИРСКИЙ

Айвазовский писал лишь море. Именно поэтому он совершенно не умел писать человека, и когда ему нужны были человеческие фигуры для картин, он вынужден был просить, чтобы их написал кто-нибудь из его друзей. Также не понимая я и Шмаринов да совет—разные эти люди истерпеть все многообразие русской природы!

Тут же он вспоминал, что на днях встретился на Невском проспекте писателя Северцова-Политова, и тот хвастал:

— А я, знаете, Алексей Максимович, написал пьесу в пяти действиях из жизни букинистов.

Горький смеялся, негодовал и морщился: «Какая же пошлятина в этой убогой односторонности. И додумался же человек до пьесы из жизни букинистов».

Среди литераторов ходили легенды об исключительной трудоспособности Горького. Никто так много, так ревностно и так разносторонне не работал, как Алексей Максимович. Он говорил: писатель должен уметь все написать талантливо — заметку для хроник пренебрежений в газете и многоотомный роман. И все мы помним его как активного, страстного, темпераментного драматурга, публициста, романиста, энергичного общественного деятеля.

В последний раз я видел Алексея Максимовича на съезде советских писателей в 1934 году. Я сидел в Колонном зале Дома союзов и слушал доклад Алексея Максимовича. Его высокая, чуть-чуть сутуловатая фигура на ораторской трибуне запомнилась мне на всю жизнь. Мы все знали, что Алексей Максимович очень болен, и видели, как поминутно он подносит платок к своим губам, отглатывая в него, как мы тогда говорили друг другу, «кусочки своего здоровья». Но простояв несколько часов на ногах и читая свой доклад, Горький ни разу не попросил перемены, не дал понять ни аудитории, ни присутствующим, что он устал и что ему трудно. Он чувствовал себя на ответственном общественном посту и не считал возможным сойти с трибуны до окончания своего выступления.

Таким борцом, трибуном, великим пролетарским писателем на посту служения народу мы его помнили и анали все жизни.

А. СВИРСКИЙ

Айвазовский писал лишь море. Именно поэтому он совершенно не умел писать человека, и когда ему нужны были человеческие фигуры для картин, он вынужден был просить, чтобы их написал кто-нибудь из его друзей. Также не понимая я и Шмаринов да совет—разные эти люди истерпеть все многообразие русской природы!

Тут же он вспоминал, что на днях встретился на Невском проспекте писателя Северцова-Политова, и тот хвастал:

— А я, знаете, Алексей Максимович, написал пьесу в пяти действиях из жизни букинистов.

Горький смеялся, негодовал и морщился: «Какая же пошлятина в этой убогой односторонности. И додумался же человек до пьесы из жизни букинистов».

Среди литераторов ходили легенды об исключительной трудоспособности Горького. Никто так много, так ревностно и так разносторонне не работал, как Алексей Максимович. Он говорил: писатель должен уметь все написать талантливо — заметку для хроник пренебрежений в газете и многоотомный роман. И все мы помним его как активного, страстного, темпераментного драматурга, публициста, романиста, энергичного общественного деятеля.

В последний раз я видел Алексея Максимовича на съезде советских писателей в 1934 году. Я сидел в Колонном зале Дома союзов и слушал доклад Алексея Максимовича. Его высокая, чуть-чуть сутуловатая фигура на ораторской трибуне запомнилась мне на всю жизнь. Мы все знали, что Алексей Максимович очень болен, и видели, как поминутно он подносит платок к своим губам, отглатывая в него, как мы тогда говорили друг другу, «кусочки своего здоровья». Но простояв несколько часов на ногах и читая свой доклад, Горький ни разу не попросил перемены, не дал понять ни аудитории, ни присутствующим, что он устал и что ему трудно. Он чувствовал себя на ответственном общественном посту и не считал возможным сойти с трибуны до окончания своего выступления.

Таким борцом, трибуном, великим пролетарским писателем на посту служения народу мы его помнили и анали все жизни.

А. СВИРСКИЙ

Айвазовский писал лишь море. Именно поэтому он совершенно не умел писать человека, и когда ему нужны были человеческие фигуры для картин, он вынужден был просить, чтобы их написал кто-нибудь из его друзей. Также не понимая я и Шмаринов да совет—разные эти люди истерпеть все многообразие русской природы!

Тут же он вспоминал, что на днях встретился на Невском проспекте писателя Северцова-Политова, и тот хвастал:

— А я, знаете, Алексей Максимович, написал пьесу в пяти действиях из жизни букинистов.

Горький смеялся, негодовал и морщился: «Какая же пошлятина в этой убогой односторонности. И додумался же человек до пьесы из жизни букинистов».

Среди литераторов ходили легенды об исключительной трудоспособности Горького. Никто так много, так ревностно и так разносторонне не работал, как Алексей Максимович. Он говорил: писатель должен уметь все написать талантливо — заметку для хроник пренебрежений в газете и многоотомный роман. И все мы помним его как активного, страстного, темпераментного драматурга, публициста, романиста, энергичного общественного деятеля.

В последний раз я видел Алексея Максимовича на съезде советских писателей в 1934 году. Я сидел в Колонном зале Дома союзов и слушал доклад Алексея Максимовича. Его высокая, чуть-чуть сутуловатая фигура на ораторской трибуне запомнилась мне на всю жизнь. Мы все знали, что Алексей Максимович очень болен, и видели, как поминутно он подносит платок к своим губам, отглатывая в него, как мы тогда говорили друг другу, «кусочки своего здоровья». Но простояв несколько часов на ногах и читая свой доклад, Горький ни разу не попросил перемены, не дал понять ни аудитории, ни присутствующим, что он устал и что ему трудно. Он чувствовал себя на ответственном общественном посту и не считал возможным сойти с трибуны до окончания своего выступления.

Айвазовский писал лишь море. Именно поэтому он совершенно не умел писать человека, и когда ему нужны были человеческие фигуры для картин, он вынужден был просить, чтобы их написал кто-нибудь из его друзей. Также не понимая я и Шмаринов да совет—разные эти люди истерпеть все многообразие русской природы!

Тут же он вспоминал, что на днях встретился на Невском проспекте писателя Северцова-Политова, и тот хвастал:

— А я, знаете, Алексей Максимович, написал пьесу в пяти действиях из жизни букинистов.

Горький смеялся, негодовал и морщился: «Какая же пошлятина в этой убогой односторонности. И додумался же человек до пьесы из жизни букинистов».

Среди литераторов ходили легенды об исключительной трудоспособности Горького. Никто так много, так ревностно и так разносторонне не работал, как Алексей Максимович. Он говорил: писатель должен уметь все написать талантливо — заметку для хроник пренебрежений в газете и многоотомный роман. И все мы помним его как активного, страстного, темпераментного драматурга, публициста, романиста, энергичного общественного деятеля.

В последний раз я видел Алексея Максимовича на съезде советских писателей в 1934 году. Я сидел в Колонном зале Дома союзов и слушал доклад Алексея Максимовича. Его высокая, чуть-чуть сутуловатая фигура на ораторской трибуне запомнилась мне на всю жизнь. Мы все знали, что Алексей Максимович очень болен, и видели, как поминутно он подносит платок к своим губам, отглатывая в него, как мы тогда говорили друг другу, «кусочки своего здоровья». Но простояв несколько часов на ногах и читая свой доклад, Горький ни разу не попросил перемены, не дал понять ни аудитории, ни присутствующим, что он устал и что ему трудно. Он чувствовал себя на ответственном общественном посту и не считал возможным сойти с трибуны до окончания своего выступления.

Таким борцом, трибуном, великим пролетарским писателем на посту служения народу мы его помнили и анали все жизни.

А. СВИРСКИЙ

Айвазовский писал лишь море. Именно поэтому он совершенно не умел писать человека, и когда ему нужны были человеческие фигуры для картин, он вынужден был просить, чтобы их написал кто-нибудь из его друзей. Также не понимая я и Шмаринов да совет—разные эти люди истерпеть все многообразие русской природы!

Тут же он вспоминал, что на днях встретился на Невском проспекте писателя Северцова-Политова, и тот хвастал:

— А я, знаете, Алексей Максимович, написал пьесу в пяти действиях из жизни букинистов.

Горький смеялся, негодовал и морщился: «Какая же пошлятина в этой убогой односторонности. И додумался же человек до пьесы из жизни букинистов».

Среди литераторов ходили легенды об исключительной трудоспособности Горького. Никто так много, так ревностно и так разносторонне не работал, как Алексей Максимович. Он говорил: писатель должен уметь все написать талантливо — заметку для хроник пренебрежений в газете и многоотомный роман. И все мы помним его как активного, страстного, темпераментного драматурга, публициста, романиста, энергичного общественного деятеля.

В последний раз я видел Алексея Максимовича на съезде советских писателей в 1934 году. Я сидел в Колонном зале Дома союзов и слушал доклад Алексея Максимовича. Его высокая, чуть-чуть сутуловатая фигура на ораторской трибуне запомнилась мне на всю жизнь. Мы все знали, что Алексей Максимович очень болен, и видели, как поминутно он подносит платок к своим губам, отглатывая в него, как мы тогда говорили друг другу, «кусочки своего здоровья». Но простояв несколько часов на ногах и читая свой доклад, Горький ни разу не попросил перемены, не дал понять ни аудитории, ни присутствующим, что он устал и что ему трудно. Он чувствовал себя на ответственном общественном посту и не считал возможным сойти с трибуны до окончания своего выступления.

Таким борцом, трибуном, великим пролетарским писателем на посту служения народу мы его помнили и анали все жизни.

А. СВИРСКИЙ

Айвазовский писал лишь море. Именно поэтому он совершенно не умел писать человека, и когда ему нужны были человеческие фигуры для картин, он вынужден был просить, чтобы их написал кто-нибудь из его друзей. Также не понимая я и Шмаринов да совет—разные эти люди истерпеть все многообразие русской природы!

Тут же он вспоминал, что на днях встретился на Невском проспекте писателя Северцова-Политова, и тот хвастал:

— А я, знаете, Алексей Максимович, написал пьесу в пяти действиях из жизни букинистов.

Горький смеялся, негодовал и морщился: «Какая же пошлятина в этой убогой односторонности. И додумался же человек до пьесы из жизни букинистов».

Среди литераторов ходили легенды об исключительной трудоспособности Горького. Никто так много, так ревностно и так разносторонне не работал, как Алексей Максимович. Он говорил: писатель должен уметь все написать талантливо — заметку для хроник пренебрежений в газете и многоотомный роман. И все мы помним его как активного, страстного, темпераментного драматурга, публициста, романиста, энергичного общественного деятеля.

В последний раз я видел Алексея Максимовича на съезде советских писателей в 1934 году. Я сидел в Колонном зале Дома союзов и слушал доклад Алексея Максимовича. Его высокая, чуть-чуть сутуловатая фигура на ораторской трибуне запомнилась мне на всю жизнь. Мы все знали, что Алексей Максимович очень болен, и видели, как поминутно он подносит платок к своим губам, отглатывая в него, как мы тогда говорили друг другу, «кусочки своего здоровья». Но простояв несколько часов на ногах и читая свой доклад, Горький ни разу не попросил перемены, не дал понять ни аудитории, ни присутствующим, что он устал и что ему трудно. Он чувствовал себя на ответственном общественном посту и не считал возможным сойти с трибуны до окончания своего выступления.

Таким борцом, трибуном, великим пролетарским писателем на посту служения народу мы его помнили и анали все жизни.

А. СВИРСКИЙ

Айвазовский писал лишь море. Именно поэтому он совершенно не умел писать человека, и когда ему нужны были человеческие фигуры для картин, он вынужден был просить, чтобы их написал кто-нибудь из его друзей. Также не понимая я и Шмаринов да совет—разные эти люди истерпеть все многообразие русской природы!

Тут же он вспоминал, что на днях встретился на Невском проспекте писателя Северцова-Политова, и тот хвастал:

— А я, знаете, Алексей Максимович, написал пьесу в пяти действиях из жизни букинистов.

Горький смеялся, негодовал и морщился: «Какая же пошлятина в этой убогой односторонности. И додумался же человек до пьесы из жизни букинистов».

Среди литераторов ходили легенды об исключительной трудоспособности Горького. Никто так много, так ревностно и так разносторонне не работал, как Алексей Максимович. Он говорил: писатель должен уметь все написать талантливо — заметку для хроник пренебрежений в газете и многоотомный роман. И все мы помним его как активного, страстного, темпераментного драматурга, публициста, романиста, энергичного общественного деятеля.

В последний раз я видел Алексея Максимовича на съезде советских писателей в 1934 году. Я сидел в Колонном зале Дома союзов и слушал доклад Алексея Максимовича. Его высокая, чуть-чуть сутуловатая фигура на ораторской трибуне запомнилась мне на всю жизнь. Мы все знали, что Алексей Максимович очень болен, и видели, как поминутно он подносит платок к своим губам, отглатывая в него, как мы тогда говорили друг другу, «кусочки своего здоровья». Но простояв несколько часов на ногах и читая свой доклад, Горький ни разу не попросил перемены, не дал понять ни аудитории, ни присутствующим, что он устал и что ему трудно. Он чувствовал себя на ответственном общественном посту и не считал возможным сойти с трибуны до окончания своего выступления.

Таким борцом, трибуном, великим пролетарским писателем на посту служения народу мы его помнили и анали все жизни.

А. СВИРСКИЙ

Айвазовский писал лишь море. Именно поэтому он совершенно не умел писать человека, и когда ему нужны были человеческие фигуры для картин, он вынужден был просить, чтобы их написал кто-нибудь из его друзей. Также не понимая я и Шмаринов да совет—разные эти люди истерпеть все многообразие русской природы!

Тут же он вспоминал, что на днях встретился на Невском проспекте писателя Северцова-Политова, и тот хвастал:

— А я, знаете, Алексей Максимович, написал пьесу в пяти действиях из жизни букинистов.

Горький смеялся, негодовал и морщился: «Какая же пошлятина в этой убогой односторонности. И додумался же человек до пьесы из жизни букинистов».

Среди литераторов ходили легенды об исключительной трудоспособности Горького. Никто так много, так ревностно и так разносторонне не работал, как Алексей Максимович. Он говорил: писатель должен уметь все написать талантливо — заметку для хроник пренебрежений в газете и многоотомный роман. И все мы помним его как активного, страстного, темпераментного драматурга, публициста, романиста, энергичного общественного деятеля.

В последний раз я видел Алексея Максимовича на съезде советских писателей в 1934 году. Я сидел в Колонном зале Дома союзов и слушал доклад Алексея Максимовича. Его высокая, чуть-чуть сутуловатая фигура на ораторской трибуне запомнилась мне на всю жизнь. Мы все знали, что Алексей Максимович очень болен, и видели, как поминутно он подносит платок к своим губам, отглатывая в него, как мы тогда говорили друг другу, «кусочки своего здоровья». Но простояв несколько часов на ногах и читая свой доклад, Горький ни разу не попросил перемены, не дал понять ни аудитории, ни присутствующим, что он устал и что ему трудно. Он чувствовал себя на ответственном общественном посту и не считал возможным сойти с трибуны до окончания своего выступления.

70-летие А. М. Горького

28 марта, в день 70-летия со дня рождения А. М. Горького, в Московском ордене Ленина Художественном академическом театре Союза ССР имени М. Горького состоялся спектакль «Враги» (днем) и «На дне» (вечером). Спектакль «На дне» является 901-м по счету, в нем участвуют народные артисты Союза ССР орденосносцы В. И. Качалов и И. М. Москвин — первые исполнители ролей Барона и Луки.

Сегодня в Государственном ордене Ленина академическом Малом театре — спектакль, посвященный 70-летию со дня рождения А. М. Горького. Идут «Враги» с участием первого состава исполнителей

Сегодня в 20 часов 30 минут по радиостанции им Коминтерна передается большой концерт, посвященный 70-летию со дня рождения А. М. Горького. В программе концерта записанные на тофиллах песни из пьес Горького «На дне», «Враги», «Борьбу и другие» и другие, в исполнении артистов Малого театра, МХАТ и театра им. Бахматова.

Московская студия Союзкинохроники сегодня выпускает на экраны киночерк «Музей Горького», для которого сняты были наиболее интересные экспонаты музея.

Первый рабочий театр дает сегодня свою новую постановку — «Ома Гордее» (инсценировка А. Желязковского по А. М. Горькому).

Завтра в Творческом клубе Государственного института театрального искусства, Лунинского состоится вечер, посвященный памяти А. М. Горького.

Сегодня в Большом зале Политехнического музея союза советских писателей и Институт мировой литературы организуют вечер, посвященный А. М. Горькому. Вступительное слово скажет Вс. Иванов. Доклад на тему «Горький и родина» сделает И. К. Луппол. С воспоминаниями о Горьком выступит писатель Павелко. Макаренко, Сурков, Давидов и др. В концерте примут участие нар. арт. Союза ССР О. Л. Книппер-Чехова и М. М. Таганова, а также С. Гатинтова, С. Бирман, Н. Козловский, И. Залесский и др.

В Доме кино вечер, посвященный 70-летию со дня рождения А. М. Горького, состоится 29 марта. Доклад о жизни и творчестве Горького сделает проф. В. Бойчевский. Артисты МХАТ покажут отрывки из пьес «На дне», «В людях», «Враги». На вечер будут продемонстрированы отрывки из фильмов «Мать», «Кайя и Артем», «Детство Горького» и др.

29 марта в клубе МГУ состоится концерт Московской филармонии, посвященный А. М. Горькому. С докладом выступит А. Сурков. В концерте примут участие артисты Тарханов, Бирман, Гатинтова, Еланская, Гутман и др.

Сегодня в театре Ленсовета в первый раз по возобновлению пойдут «Поселенцы» А. М. Горького в постановке А. Плотникова и оформлении Г. Лебедева.

30 марта в Концертном зале Большого театра Союза ССР Московская филармония организует вечер, посвященный Горькому. Вступительное слово скажет Бойчевский. Программа посвящена произведениям А. М. Горького. Читает Людмила Шумская.

ГОРЬКОВСКИЕ ДНИ В РЯЗАНИ

Научные учреждения и общественность Рязани отмечают 70-летие со дня рождения А. М. Горького.

Городская библиотека, носившая имя А. М. Горького, организует выставку, а 28 марта выпускает бюллетень, в котором собраны отзывы читателей о Горьком и его произведениях.</